

УДК 811.581.11

ЗНАЧЕНИЕ И СМЫСЛ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА «ДРАКОН» КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

Пляскина Е. А.

ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
г. Чита, Россия
E-mail: katyushao1989@mail.ru

Данная статья посвящена описанию понятий «значение» и «смысл» применительно к китайскому языковому знаку «дракон». Языковой знак как порождение трансцендентного и имманентного любой лингвокультуры представляет собой чрезвычайно интересный феномен отдельной культуры и языка. В этом смысле актуально проследить взаимосвязь и взаимопорождение значения и смысла языкового знака. Предметом исследования являются значение и смысл языкового знака «дракон» (龙 *lóng*) китайской лингвокультуры. Цель исследования: установить характер отношений между значением и смыслом рассматриваемого языкового знака. Актуальность настоящей работы обусловлена отсутствием подобного рода исследований применительно к конкретному знаку языка. В статье используются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод компонентного анализа, методы контекстуального анализа. В статье поднимается проблема соотношения понятий «значение» и «смысл», являющаяся одной из дискуссионных в лингвистике, психологии, логике, приводятся различные интерпретации данных терминов. Особый интерес для исследования представляют трансцендентные смыслы, не обусловленные внутренними свойствами объекта, представляющие результат конвенции, существующей в той или иной лингвокультуре. Смысл знака, как правило, мотивирован (хотя не всегда явно) его языковым значением, однако неоднократное употребление знака для передачи одного и того же смысла приводит к закреплению последнего в качестве одного из компонентов значения. Все это позволяет сделать вывод о взаимосвязи и взаимопорождении значения и смысла языкового знака. Результаты исследования могут способствовать дальнейшему изучению проблемы соотношения значения и смысла языкового знака в целом.

Ключевые слова: языковой знак, значение, смысл, дракон, китайская лингвокультура, трансцендентный, имманентный.

ВВЕДЕНИЕ

Значение и смысл, являясь близкими по своей природе явлениями, нередко отождествляются. Вместе с тем, уже начиная со времен античности, учеными отмечалось наличие двух разных сущностей, взаимосвязанных и в то же время взаимно противопоставленных. На протяжении длительного времени проблемой разграничения рассматриваемых терминов занимались и продолжают заниматься представители различных научных направлений: лингвистики, философии, логики, психологии.

В данном исследовании акцент будет сделан в первую очередь на лингвистическом понимании значения и смысла. Теоретической базой статьи

послужили работы Ф. де Соссюра, А. А. Пелипенко и И. Г. Яковенко, А. В. Бондарко и др. Проблеме определения и соотношения данных категорий в современной лингвистике посвящены многочисленные исследования ([1; 10; 11; 18] и др.). Исходным для нашего исследования будет считаться факт о непризнании синонимичности терминов «значение» и «смысл». И тот, и другой характеризуют содержательную сторону языкового знака, однако отражают разные аспекты плана его содержания, в связи с чем требуют разграничения.

Предметом настоящего исследования являются значение и смысл языкового знака «дракон» (龍 *lóng*) китайской лингвокультуры. Цель исследования: установить характер отношений между значением и смыслом рассматриваемого языкового знака. Достижение поставленной цели предполагает решение ряда задач: 1) разграничение лингвистических терминов «значение» и «смысл»; 2) раскрытие значения и смысла китайского языкового знака «дракон» с использованием языкового материала; 3) установление характера взаимоотношений значения и смысла языкового знака «дракон».

Актуальность настоящей статьи обусловлена дискуссионностью и недостаточной степенью внятности в современной лингвистике таких терминов, как «значение» и «смысл». Кроме того, немалый интерес представляет проблема взаимодействия смысла и значения отдельного языкового знака, что возможно проследить на примере китайского языкового знака «дракон».

Китайская цивилизация, являясь одной из древнейших в мире, всегда отличалась своей самобытностью и обособленностью. Одной из характеризующих ее особенностей является глубокое уважение к традициям и обычаям, их неизменность на протяжении долгого времени. Разумеется, это не могло не наложить отпечаток и на язык, тесную связь которого с культурой вряд ли кто-то будет оспаривать. Поэтому языковые знаки китайской лингвокультуры представляют собой богатый материал для изучения. Особенно это касается знаков, возникших в древности и имеющих длительную историю, каким является и рассматриваемый языковой знак «дракон».

Представляя собой особый лингвокультурный феномен, языковой знак в своем значении аккумулирует элементы трансцендентного и имманентного отдельно

взятой лингвокультуры. Предполагается, что именно трансцендентное начало является основным источником расширения смысла при образовании языковых значений.

Результаты исследования могут быть применены в дальнейших исследованиях значения и смысла отдельных языковых знаков, а также способствовать решению проблемы соотношения терминов «значение» и «смысл» в целом.

В статье использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, метод компонентного анализа, методы контекстуального анализа. Материалом для исследования послужили тексты китайского классического романа «Речные заводи» на китайском и русском языках, фразеологические и лексические единицы.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

Значение слова нередко определяют через понятие, вплоть до полного отождествления данных терминов: «...значение слова есть понятие» [17, с. 6]. Однако чаще их все же разграничивают, мотивируя это тем, что значение исследуется в языковой системе, в то время как понятие исследуется в системе отношений и форм и изучается различными науками [11, с. 239]. К тому же значение шире понятия [цит. по: 11, с. 239]. Значение принадлежит языку, понятие не ограничивается системой языка. Эта характеристика значения отличает его не только от понятия, но и от другого близкого к нему термина – «смысл».

Языковой знак, являясь результатом акта мышления и отражением внеязыковой действительности (или ее интерпретацией), вместе с тем представляет собой качественно новый, самостоятельный организм, живущий уже по законам языка. Сочетаясь с другими языковыми знаками в процессе вторичного семиозиса, он способен создать бесконечное множество новых смыслов, которых первоначально у него не было. Этим он отличается как от самой «стоящей» за ним вещи, так и от понятия об этой вещи, представляющего собой совокупность ее существенных признаков.

Несмотря на длительную историю изучения, «значение» и «смысл» можно по праву считать одними из наиболее спорных лингвистических терминов, имеющими

огромное множество определений. Так, даже в рамках одной работы Ч. Огдена и А. Ричардса «Значение значения» («The meaning of meaning», 1923) приводится 16 типов употребления слов mean и meaning [19].

Одно из первых научных осмыслений данная проблема получила в работе Г. Фреге «Смысл и денотат» (нем. «Über Sinn und Bedeutung»). Под смыслом знака автор понимал то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком [14, с. 354], под значением – денотат, то есть, вещь, которая обозначена данным знаком. Один и тот же денотат может обозначаться по-разному, а потому, иметь разный смысл.

Основоположник знаковой теории языка Ф. де Соссюр значением называет то, что находится в отношении соответствия (*contre-partie*) с акустическим образом [7, с. 114], отношение знака (означающего) к понятию (означаемому). Вслед за Соссюром данной позиции придерживались Л. Вейсгербер и Ст. Ульман, однако в их работах отношение между означающим (звуковой формой) и означаемым (содержанием, смыслом) трактуется не как ассоциативная (психическая), связь, а как функция, возводимая в закон знака [20; 21].

В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой значение определяется как «семантический состав слова, отображение предмета действительности в сознании, становящееся фактом языка вследствие установления постоянной и неразрывной его связи с определенным звучанием, в котором оно реализуется» [2, с. 155]. Смысл – то содержание (значение), которое слово получает в данном контексте употребления, в данной конкретной речевой ситуации (ситуации общения) [Там же, с. 423].

А. В Бондарко называет значением содержание единиц и категорий данного языка, включенное в его систему и отражающее ее особенности, план содержания языковых знаков [3, с. 53]. Смысл – это содержание, не связанное лишь с одной формой или системой форм данного языка, – то общее, что объединяет синонимичные высказывания и высказывания, сопоставляемые при переводе с одного языка на другой [Там же]. Таким образом, смысл представляет собой

конкретное содержание, которое необходимо передать как при переводе, так и в процессе коммуникации.

Значение и смысл противопоставляются как объективное абстрактное и субъективное конкретное содержание [5, с. 325]; как закрепленное за данной единицей языка относительно стабильное во времени и инвариантное содержание, знание которого входит в знание данного языка и связанная со словом информация, изменчивая во времени, варьирующая в зависимости от свойств коммуникантов, знание которой не обязательно для знания языка [6, с. 12]; как стабильная, постоянная и вариативная, переменная, динамическая части содержания языкового знака [1, с. 31]; как цель и средство [10, с. 139]. Смысл слова проявляется через отношения значения, которые слово устанавливает с другими словами в языке [18, с. 80]. Именно это объясняет столь важную роль контекста для раскрытия смысла. Отмечается, что понимание знаков происходит не изолированно друг от друга, а в определенном контексте [13, с. 503].

Исходя из вышеизложенного, под значением мы понимаем содержание языкового знака, закрепленное в языке, и неизменное в определенный период развития отдельного языка. Смысл же представляет собой конкретный вариант реализации значения в рассматриваемом контексте, в процессе понимания которого учитываются не только языковые, но и внеязыковые факторы (прагматические, субъективные и т. д.). Смысловое содержание языкового знака всегда шире значения, оно включает в себе потенциальные возможности использования данного знака, все варианты употребления, в том числе еще не реализованные, которые могут возникать в различных ситуациях общения.

Итак, языковой знак возникает как отражение определенного культурного феномена, являясь по отношению к нему вторичным. Для конкретной лингвокультуры он представляет собой порождение ее трансцендентного и имманентного, являющихся движущей силой процесса языкового семиозиса. Трансцендентное – это та сумма потенциальных смыслов, которой может быть наделен объект [12, с. 39]. Трансцендентные смыслы не обусловлены внутренними свойствами объекта, они – результат конвенции, существующей в той или иной

культуре. Именно трансцендентное зачастую обуславливает межкультурные различия в интерпретации имманентно неразличимых объектов. Механизм образования трансцендентных значений различен и с трудом поддается логическому анализу. Нередко он основывается на особых, понятных лишь носителю конкретной лингвокультуры ассоциациях, невидимых для стороннего наблюдателя.

Сумма потенциальных нереализованных семантических значений, имплицитно сокрытая в отчужденном объекте, мерцает как сфера трансцендентного [12, с. 39]. Применительно к языковому знаку в данном случае можно говорить не о значении, а о смысле, который данный знак напрямую не выражает, но потенциально может подразумевать при наличии соответствующего контекста. Соотношение трансцендентных и имманентных смыслов в содержании разных знаков неодинаково. Как правило, высоким уровнем трансцендентности обладают языковые знаки, существующие на протяжении достаточно длительного периода времени, означаемое которых представляет для данной лингвокультуры особую значимость.

Рассматриваемый языковой знак «дракон» в китайской лингвокультуре может обозначать весьма широкий круг предметов, как выводимых из свойств его первичного означаемого, так и не обусловленных ими напрямую. Дракон в Китае всегда занимал особое место, являлся одним из четырех священных животных. По одной из версий истоки подобного отношения кроются в древних представлениях о том, что дракон был тотемным животным древнекитайских племен (Вэнь Идо [цит. по: 25, с. 2], Э. М. Яншина [16, с. 42] и др.). Другое мнение (проф. А. А. Маслов) гласит, что изначально китайские лун (龍 *lóng*) были вовсе не драконами, то есть зооморфными мифическими существами, а духами, либо медиумами (шаманами), которые впускали в себя этих духов, перевоплощаясь, таким образом, в них [9, с. 104]; либо амбивалентным человеко-духом или человеко-стихией [Там же, с. 98].

С точки зрения соотношения трансцендентного и имманентного в содержании языкового знака последняя версия представляет особый интерес. Отмечается, что искусственный феномен (объект-медиатор) есть форма имманентизации трансцендентных принципов упорядочения в предметной форме [12, с. 173]. Объект-медиатор не равен самому себе, следовательно, он *a priori* имеет знаковую природу.

Если следовать данной версии, то можно сделать вывод о том, что то, что позднее «превратилось» в китайского дракона, первоначально представляло собой нечто, находящееся за гранью человеческого понимания, нечто «потустороннее». Позднее оно объективировалось в более понятном, имманентном: сначала это был шаман в маске, затем – гибридное существо, состоящее из частей тела разных животных. Так, по одной из версий, дракон имел голову верблюда, рога цилиня², глаза черепахи, уши быка, тело змеи, ноги ящерицы, [передние] лапы тигра, когти орла, рыбью чешую, в уголках рта у него усы, а в низу лба жемчужина [28, с. 306]. Возможно, именно такое неясное, окутанное тайной происхождение означаемого языкового знака послужило одной из причин, по которым он обрел столь большое количество переносных значений.

В «Большом толковом словаре китайского языка» приводится 22 дефиниции лексемы «дракон». Каждая из них представляет собой самостоятельное значение. Автор высказывания, намереваясь передать тот или иной смысл, апеллирует к одному из значений языкового знака (в рамках данной статьи мы не будем выяснять, какие словарные дефиниции рассматриваемой лексемы являются значениями, а какие – вариантами употребления). Вместе с тем, не следует забывать о том, что, как уже упоминалось ранее, смысл не является простым воспроизведением одного из словарных значений, он лишь опирается на него, дополняя и обогащая, а в некоторых случаях – изменяя. Языковой знак, конкретизируясь в конкретном контексте, в окружении других знаков, становится обозначением именно того предмета, о котором идет речь, а не множества предметов, в отличие от своего языкового значения.

Рассматриваемый языковой знак не всегда имел столько значений, как в современной китайской лингвокультуре. Следует полагать, что первоначальным (насколько можно судить по данным лексикографических источников) является прямое номинативное значение: *«Мифическое сверхъестественное животное. Тело*

² Мифическое существо, называемое также «китайским единорогом», одно из четырех «благовещих» животных»

длинное, в форме змеи, имеет чешую и когти, может создавать тучи и дождь, глава водной фауны» [24, с. 1459-1460]. В процессе развития знака к первоначальному значению добавились новые, некоторые из них сохранялись, другие нет (например, устаревшие: блеск, слава, величие, почет; благосклонность, милость [Там же]). Вместе с тем, основным источником пополнения списка значений следует считать смыслы, имеющие, по всей видимости, трансцендентное начало.

Рассмотрим следующий пример. *今年祖龙死* (В этом году Предок-дракон умер) [26]. Смысл лексемы «предок-дракон» в данном случае вовсе не «мифическое сверхъестественное животное», а «первый император Китая Цинь Шихуан, правивший с 246 до 210 г. до н. э.». Одним из объяснений употребления языкового знака 龙 *lóng* в данном случае служит то, что в династию Хань, когда выходец из крестьян Лю Бан стал императором, ему пришлось придумать себе тотем, в качестве которого и был официально объявлен дракон. При этом была создана версия о чудесном зачатии и о драконообразном облике, который будто бы имел Лю Бан при рождении и в отдельные моменты жизни [4, с. 38]. Интересно отметить, что в своем прямом номинативном значении 龙 *lóng* является словесным знаком с пустым денотатом, поскольку отражает представление людей о вымышленном предмете (мифическом существе). Однако в рассматриваемом примере, будучи использованным для передачи смысла «Цинь Шихуан», он отсылает к вполне конкретному референту.

Позднее 龙 *lóng* стал обозначать императора вообще. Так появились выражения 真龙天子 *zhēn lóng tiān zǐ* «истинный дракон – сын неба», 金龙 *jīnlóng* «золотой дракон» (об императоре), лексемы 龙衣 *lóngyī* «одежда дракона» (одеяние императора), 龙旗 *lóngqí*, «императорский штандарт» (знамя династии Цинь), 龙楼 *lónglóu* «башня дракона» (императорская резиденция), 龙体 *lóngtǐ* «тело дракона» (особа государя) и пр.

Однако помимо культурной традиции, истоки формирования значения «император» у *lóng* могут лежать и в собственно языковых закономерностях развития значения знака. Допустить подобное предположение позволяет обращение к

этимологии лексемы *lóng*. Существует мнение, что китайское *long* генетически связано с тюркским *ulug* ~ *uluw* «дракон». При этом в качестве доказательства приводятся эволюционные изменения в казахском: *ulug* > *uliq* «великий; правитель; чиновник» ~ *uli* «великий, большой» ~ *uluw* «крокодил (большой водный хищник); улитка» / монгольск. *luw* «змея, дракон» (каз. – *uluw jili* – «год дракона») [цит. по: 8, с. 20].

В данном случае обращает на себя внимание параллелизм в развитии значений в разноструктурных языках: каз. *uliq* «великий; правитель; чиновник» и кит. *lóng* «император», каз. *uluw* «крокодил (большой водный хищник)» (реальное пресмыкающееся) и кит. *lóng* (мифическое пресмыкающееся). Схожие значения могут быть результатом заимствования, однако могут быть обусловлены и параллельным самостоятельным развитием на основе выделения одного и того же признака (в данном случае «великий»). Косвенным подтверждением данной точки зрения можно считать появление в китайском языке лексем 恐龍 *kǒnglóng* динозавр (букв. «страшный дракон»); 魚龍 *yúlóng* ихтиозавр (букв. «рыба-дракон»); 巨龍 *jùlóng* титанозавр (букв. «огромный дракон»); 飛龍 *fēilóng* птерозавр (букв. «летающий дракон») и т. п. (перенос по признаку «пресмыкающееся»).

Наконец, употребление языкового знака 龍 *lóng* в смысле «император», позднее закрепившееся в языке как переносное значение, может быть обусловлено указанием на главенствующее положение означаемого в дефиниции, описывающей прямое номинативное значение («глава водной фауны» [23, с. 1459], «глава чешуйчатых» [22, с. 3605]). Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что употребление языкового знака «дракон» для обозначения императора было обусловлено мотивационным потенциалом смысла, заложенным в прямом номинативном значении знака. В то же время, закрепившись в языке в результате многократного повторения, смысл способствовал расширению значения слова, став его неотъемлемой частью.

身穿紫绣龙袍 [27] – Сам он был в халате, расшитом фиолетовыми драконами [о князе Дуань-ване] [15, с. 24] ... 把绣龙袍前襟拽起扎揣在条儿边. Полы его халата

были подоткнуты за пояс. В данном случае интерес представляет сравнение способа передачи смысла оригинала и перевода. В оригинале в обоих случаях употребляется одно и то же слово 龙袍 («драконовый халат»), имеющее переносное значение «парадное платье императора». В первом случае выражение 绣龙袍 переведено буквально «халат, расшитый драконами», во втором – просто «халат». Буквальный перевод в первом случае необходим для того, чтобы русскоязычный читатель мог представить внешний облик героя произведения, однако далее для понимания, о каком халате идет речь, нет необходимости использовать данную конструкцию, для русского языка достаточно громоздкую. Тогда как для китайского читателя 龙袍 совсем не то же самое, что «халат», это особый лингвокультурный феномен.

为因学得一家道术，善能呼风唤雨，驾雾腾云，江湖上都称贫道做入云龙[27].

Овладев также искусством волшебства, я легко могу вызывать дождь и ветер и даже летать на облаках. За это вольный люд окрестил меня «Драконом, летающим в облаках» [15, с. 219]. Согласно поверьям древних китайцев, дракон мог создавать тучи и гром, вызывать дождь, обладал способностью к полету. Однако в рассматриваемом примере речь идет о герое романа «Речные заводи» монахе Гун-Сунь Шэне, выражение «Дракон, летающий в облаках» употребляется в смысле «тот, кто может создавать тучи и дождь» [24, с. 1459-1460], то есть управлять стихиями. Кроме того, использование языкового знака «дракон» по отношению к Гун-Сунь Шэню может быть мотивировано также и тем, что он имеет переносное значение «выдающийся по уму и способностям; незаурядный человек; необыкновенный человек». Мы полагаем, что данное значение возникло вследствие использования семного поля «сверхъестественный (чудесный, удивительный)» (в оригинале «神异»):

八龙 bālong восемь драконов (обр.: восемь крупнейших талантов эпохи, рода, семьи);

犹龙 yóulong подобен дракону (обр. о гениальном человеке);

潜龙 qiánlong (прячущийся дракон) не проявивший себя еще гений, непроявленный талант;

卧龙 wòlóng спящий дракон (о выдающемся деятеле); лежащий дракон (прозвище Чжугэ Ляна).

只教智深; 脚尖起处 山前猛虎心惊; 拳头落时, 海内蛟龙丧胆 [27]. Но они не знали Чжи-шэня: он мог так ударить ногой, что сам тигр испугался бы, а когда пускал в ход кулаки, то пугался даже морской дракон [15, с. 109]. В данном случае словосочетание «морской дракон» обозначает самое сильное и могущественное существо, какое можно представить. Обладая способностью управлять стихиями, дракон мог вызвать наводнение или засуху, что для земледельческой цивилизации, какой являлся Китай, было великим бедствием. Использование данного метафорического оборота дает понять, что герой романа, Чжи-шэнь, обладает огромной физической силой. Общий смысл фразы «был очень сильным противником» не выводится из прямых значений составляющих ее знаков, являясь полностью образным. Похожие мотивы легли в основу фразеологизма 老虎口里夺脆骨, 龙背上揭 lǎohǔ kǒulǐ duó cuìgǔ lóng bèishàng jiē shēnglín «из тигриной пасти вырвать хрящик, со спины водяного дракона сорвать чешую» (совершить опасное, безрассудное мероприятие).

Характерно, что при употреблении в смысле «сила, мощь» дракон, как правило, фигурирует вместе с другим священным животным – тигром. Тигр в Китае считается царем зверей, поэтому, само собой разумеется, что если кто и равен по силе дракону, то только он. Это нашло свое отражение в том числе и во многочисленных фразеологических оборотах. [23]:

龙争虎斗 – «битва дракона и тигра»; соперники стоят друг друга;

龙盘虎踞 – «здесь окопались драконы и тигры»; неприступный участок (позиция) ~ рус. как неприступная крепость;

降龙伏虎 «укрощать драконов и усмирять тигров» (обр. в знач.: обладать огромной силой, быть могущественным);

龙潭虎穴 – «пучина дракона и лежбище тигра» (опасное место) ~ рус. самое пекло.

ВЫВОДЫ

Рассмотренные в статье компоненты содержательной стороны языкового знака – значение и смысл, соотносятся между собой как инвариант и вариант, как общее и частное, как устоявшееся, закрепленное и новое, изменчивое. Смысл языкового знака репрезентирует все возможные и потенциально возможные случаи его употребления. Вместе с тем, смысл знака, как правило, мотивирован его языковым значением, как основой, на базе которой формируется тот или иной смысл. Одновременно, неоднократное употребление языкового знака для передачи одного и того же смысла приводит к закреплению последнего в качестве одного из компонентов значения, приводя к его расширению, обогащая содержание языкового знака. Так, слово «предок-дракон», обозначавшее Цинь Шихуана, мотивировало появление у 龍 значений *«император»*, *«императорский»*. Все это позволяет сделать вывод о взаимосвязи и взаимопорождении значения и смысла языкового знака.

Трансцендентное начало языкового знака является основой, на которой формируется большая часть его переносных значений. Трансцендентные смыслы не связаны с первоначальным значением напрямую. Однако употребление знака для передачи нового, нехарактерного для него смысла, как правило, является мотивированным, даже если эта мотивация скрыта. Выявление связей переносных значений с первоначальным мотивационным потенциалом смысла способствует более глубокому раскрытию содержания последнего.

При возникновении нового денотата, требующего очередного обозначения, возникают два основных варианта развития событий. Первый – создание для данного денотата нового знака (первичный семиозис). Второй – использование для него уже имеющегося языкового знака, то есть явление вторичного, собственно языкового, семиозиса. Языковой знак «дракон» показал высокую продуктивность в образовании производных значений, что объясняется многогранностью обозначаемого им предмета в представлениях древних китайцев, его непостижимостью и тем отношением к нему, которое изначально сложилось в китайской лингвокультуре.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Когнитивная семантика в аспекте лингвосомиозиса [Текст] / Н. Ф. Алефиренко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – С. 28–38.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов [Текст] / О. С. Ахманова. – М. : Либроком, 2018. – 576 с.
3. Бондарко, А. В. О стратификации семантики [Текст] / А. В. Бондарко // Общее языкознание и теория грамматики : материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения С. Д. Кацнельсона. – СПб., 1998. – С. 51–63.
4. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае [Текст] / Л. С. Васильев. – М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2015. – 488 с.
5. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] : учеб. пособие / И. М. Кобозева. – М. : Ленанд, 2019. – 352 с.
7. Курс общей лингвистики [Текст] / ред. Ш. Балли и А. Сеше / под общ. ред. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.
8. Лебедев, Р. В. Интерпретация некоторых сакральных топонимов Саяно-Алтая в свете этногонических тюрко-монгольских мифов [Текст] / Р. В. Лебедев // Вестник БГУ. – 2017. – Вып. 1. – С. 16–28.
9. Маслов, А.А. Китай: укрощение драконов. Духовные поиски и сакральный экстаз [Текст] / А. А. Маслов. – М. : Алетея : Культурный центр «Новый Акрополь», 2006. – 480 с.
10. Мирошникова, З. А. Лексическое значение и смысл [Текст] / З. А. Мирошникова // Вестник СГТУ. – 2011. – № 4. – Выпуск 3. – С. 135–140.
11. Никитина, В. В. Проблема разграничения: значение vs смысл vs понятие vs концепт как метаязык описания семантической структуры языкового знака [Текст] / В. В. Никитина // Грамота. – Тамбов. – 2020. – Том 13. – Выпуск 6. – С. 238–242.
12. Пелипенко, А. А. Культура как система [Текст] / А. А. Пелипенко, И. Г. Яковенко. – М. : Издательство «Языки русской культуры», 1998. – 376 с.

13. Сергеева Ю. М. К вопросу о смысловой структуре слова как знака языка / Ю. М. Сергеева // Преподаватель XXI век. – 2016. №4. – Том 2. – С. 500–509.
14. Фреге, Г. Смысл и денотат [Текст] / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – М. – 1997. – Вып. 35. – С. 352–379.
15. Ши Най-ань. Речные заводи. Том 1 / пер. с кит. А. П. Рогачева / под ред. В. С. Колоколова. – Рига : Издательская фирма «Полярис», 1992. – 500 с.
16. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии [Текст] / Э. М. Яншина. – М. : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. – 248 с.
17. Carnap, R. Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic. Chicago : University of Chicago Press, 1988, pp. 3–6.
18. Cruse, D. A. Language, meaning and sense: semantics. An encyclopaedia of language. Edited by N. E. Collinge. London: Routledge, 1990, pp. 78–93.
19. Ogden, C. K., Richards, J. A. The meaning of meaning: A study of the influence of language upon thought and of the science of symbolism. N.Y., 1927, pp. 185–208.
20. Ullman, St. The Principles of Semantics. Oxford, 1963, pp.160–161.
21. Weisgerber, L. Grundzüge einer inhaltbezogenen Grammatik. Dusseldorf, 1962, pp. 37–87.
22. 辞源. 上册 / 商务印书馆编辑. 修订本. 北京 : 商务印书馆, 2006. 3308 千字.
23. 汉语成语词典 / 何平主编. – 成都: 电子科技大学出版社, 2004. 1004 页.
24. 汉语大词典. 卷 12. 上海: 汉语大词典出版社, 1993. 1517 页.
25. 庞进. 八千年中国龙文化. 北京: 人民日报出版社, 1993. 590 页.
26. 史记 . 卷 六 . 秦始皇本纪 [Электронныйресурс]. Режим доступа: <http://www.guoxue.com/book/shiji/0006.htm>. – (Дата обращения: 01.10.2020).
27. 施耐庵, 罗贯中. 水浒传. 北京 : 人民文学出版社, 1989. 1394 页.
28. 说文解字 / «线装经典»编委会编. 昆明 : 云南教育出版社, 2010. 383 页.

References

1. Alefirenko, N. F. *Kognitivnaya Semantika v Aspekte Lingvosemiozisa* [Cognitive Semantics in the Aspect of Linguistic Semiosis]. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. SPb., 2007, pp. 28–38.
2. Akhmanova, O. S. *Slovar' Lingvisticheskikh Terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Librokom Publ., 2018. 576 p.
3. Bondarko, A. V. *O Stratifikatsii Semantiki* [About Stratification of Semantics] // *General Linguistics: Proceedings of readings devoted to 90-th anniversary of S. D Katsnel'son*. Spb., 1998, pp. 51–63.
4. Vasil'ev, L. S. *Kul'ty, Religii, Traditsii v Kitae* [Cults, Religions, Traditions in China]. M.: Publishing Firm «Vostochnaya literatura» RAN, 2015. 488 p.
5. Karasik, V. I. *Yazykovoii Krug: Lichnost', Kontsepty, Diskurs* [Language Circle: Person, Concepts, Discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 352 p.
6. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya Semantika: Uchebnoe Posobie* [Linguistic Semantics]. M.: Lenand Publ., 2019. 352 p.
7. *Kurs Obshchei Linguistiki* [Course in General Linguistics] / edit. by Sh. Balli and A. Seshe / under the general edit. Of M. E. Rut. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo Universiteta, 1999. 432 p.
8. Lebedev, R. V. *Interpretatsiya Nekotorykh Sakral'nykh Toponimov Cayano-Altaya v Svete Etnogonicheskikh Tyurko-Mongol'skikh Mifov* [Interpretation of Some Altai-Sayan Sacred Toponyms in Light of Ethnogenic Turkic-Mongolian Myths]. *Vestnik BGU*, 2017. Iss. 1, pp. 16–28.
9. Maslov, A. A. *Kitai: Ukroshcheniye Drakonov: Dukhovnye Poiski i Sakral'nyi Ekstaz* [China: a Taming of Dragons. Spiritual Searches and a Sacred Ectasy]. M.: Aleteia: Kul'turnyi tsentr «Novyi Akropol'» Publ., 2006. 480 p.
10. Miroshnikova, Z. A. *Leksicheskoe Znachenie i Smysl* [Lexical meaning and meaning]. *Vestnik SGTU*, 2011, no. 4, issue 3, pp. 135-140.
11. Nikitina, V. V. *Problema Razgranicheniya: Znachenie vs Smysl vs Ponyatie vs Kontsept kak Metazyk Opisaniya Semanticheskoi Struktury Yazykovogo Znaka* [Problem of differentiation: meaning vs sense vs notion vs concept as Meta-Language to Describe

- Semantic Structure of Linguistic Sign]. *Gramota*. Tambov, 2020, volume 13, issue 6, pp. 238–242.
12. Pelipenko, A. A., Yakovenko, I. G. *Kul'tura kak Sistema* [Culture as a System]. M.: Yazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. 376 p.
 13. Sergeeva Yu. M. K Voprosu o Smyslovoi Struktire Slova kak Zhaka Yazyka [To the Issue of Semantic Structure of the Word as a Language Sign]. *Prepodavatel' XXI Vek*, 2016, no. 4, volume 2, pp. 500–509.
 14. Frege, G. *Smysl I Denotat* [Sense and Denotatum]. *Semiotika i Informatika*. M., 1997. Iss. 35, pp. 352–379.
 15. Shi Nai-an'. *Rechnye zavodi* [Water margin]. Volume 1. Riga: Polyaris Publishing Firm, 1992. 500 p.
 16. Yanshina, E. M. *Formirovaniye I Razvitie Drevnekitaiskoi Mifologii* [Formation and Development of Ancient Chinese Mythology]. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literaturny izdatel'stva «Nauka», 1984. 248 p.
 17. Carnap, R. *Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic*. Chicago: University of Chicago Press, 1988, pp. 3–6.
 18. Cruse, D. A. *Language, Meaning and Sense: Semantics. An Encyclopaedia of Language*, edited by N. E. Collinge. London: Routledge, 1990, pp. 78–93.
 19. Ogden, C.K., Richards, J.A. *The Meaning of Meaning: A Study of the Influence of Language upon Thought and of the Science of Symbolism*. N.Y., 1927, pp. 185–208.
 20. Ullman, St. *The Principles of Semantics*. Oxford, 1963, pp. 160–161.
 21. Weisgerber, L. *Grundzüge einer inhaltbezogenen Grammatik*. Dusseldorf, 1962, pp. 37–87.
 22. 辞源. 上册 / 商务印书馆编辑. 修订本. 北京: 商务印书馆, 2006. 3308 千字
 23. 汉语成语词典 / 何平主编 – 成都: 电子科技大学出版社, 2004. 1004 页.
 24. 汉语大词典. 卷 12. 上海: 汉语大词典出版社, 1993. 1517 页.
 25. 庞进. 八千年中国龙文化. 北京: 人民日报出版社, 1993. 590 页.
 26. 史记. 卷六. 秦始皇本. Available at: <http://www.guoxue.com/book/shiji/0006.htm>. (accessed 1 November 2020).

27. 施耐庵, 罗贯中. 水浒传. 北京: 人民文学出版社, 1989. 1394 页.
28. 说文解字 / 《线装经典》编委会编. 昆明: 云南教育出版社, 2010. 383 页.

**THE MEANING AND THE SENSE OF LINGUAL SIGN «DRAGON» OF
CHINESE LINGUISTIC CULTURE**

Plyaskina E. A.

This article is devoted to description of notions «meaning» and «sense» toward Chinese lingual sign «dragon». A lingual sign as a generation of the linguistic culture presents extremely interesting phenomenon of a particular culture and a language. In this regard it is actual to trace the correlation and mutual generation of the meaning and the sense of a lingual sign. The subject of the study is the sense and the meaning of the Chinese lingual sign «dragon». The research objective is to determinate the character of relationship between the meaning and the sense of the lingual sign under consideration. The relevance of the study is determined by the absence of this kind of research relating to specific language sign. The article uses general scientific methods of analysis and synthesis, a descriptive method, a method of component analysis, methods of contextual analysis. The article deals with a problem of the relationship among notions «meaning» and «sense» which is one of the controversial in linguistics, psychology, logics. The article describes different interpretations of these terms. It is especially interesting for the study to describe transcendental senses which are not determined by internal properties of the object but represent a result of a particular linguistic culture convention. The study results can contribute to further studying of a problem of correlation between meaning and sense of a language sign overall. It leads to the conclusion about correlation and mutual generation of the meaning and the sense of a lingual sign. A sense of a sign is motivated by its language meaning as a rule (although it is not always obvious). Though frequent use of the sign for transfer the same sense lead to fixation of the latter as a component of the meaning.

Keywords: lingual sign, meaning, sense, dragon, Chinese linguistic culture, transcendental, immanent.